

УДК 94(=35)''18/19''
ББК 63.3(=603.5)5
К 21

С.С. Караханов,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Дагестанского государственного университета народного хозяйства,
г. Махачкала, тел.: +7965494960, e-mail: info_dginh@mail.ru*

БРАК И СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ЛЕЗГИН-КАРЧАГЦЕВ В XIX-XX ВВ.

(Рецензирована)

Аннотация. В статье исследуются свадебные обряды лезгин-карчагцев Южного Дагестана в XIX-XX вв. Наиболее распространенной формой брака считался брак по сватовству (сговору). В семейно-брачных отношениях велика была роль ислама. Обязательным условием заключения брака являлся выкуп, что осложняло женитьбу сыновей и выдачу замуж дочерей простых райятов, которые затем попадали в долговую яму. В свадебной процессии применялось множество обрядов и обычаев. В указанный период у лезгин-карчагцев также существовали такие формы брака, как умыкание, люлечное обручение и др. В советское время формы заключения брака изменились, основной формой являлся брак по взаимному согласию юноши и девушки. В новое время распространение получили и межнациональные браки.

Ключевые слова: лезгины-карчагцы, свадебные обряды, семья, брак, жених, невеста, свадебный наряд, выкуп за невесту, народная музыка, маскарад-ные представления.

S.S. Karakhanov,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of the Humanities of the Daghestan State University of the National Economy, Makhachkala, ph.: +7965494960, e-mail: info_dginh@mail.ru

MARRIAGE AND WEDDING CEREMONIALISM OF LEZGINS-KARCHAGTS IN THE 19-20TH CENTURIES

Abstract. The paper explores wedding ceremonies of Lezgins-Karchagts of Southern Daghestan in the 19-20th centuries. Marriage on a courtship (conspiracy) was considered as the most common form of marriage. Islam played the great role in the family and marriage relations. An indispensable condition of marriage was the repayment that complicated a marriage of sons and delivery in marriage of daughters of simple rayats which then got to a debt hole. In a wedding procession the set of ceremonies and customs was applied. During the specified period Lezgins-Karchagts also had such forms of marriage as abduction, cradle betrothal, etc. In Soviet period forms of marriage have changed, the main form was marriage by mutual consent of the young man and girl. During modern times also international marriages found distribution.

Keywords: Lezgins-Karchagts, wedding ceremonies, family, marriage, the groom, the bride, a wedding dress, repayment for the bride, folk music, masquerade performances.

Лезгины-карчагцы – небольшой субэтнос лезгин, живущих в селениях Карчаг, Зизик, Нютюг и Экендиль Южного Дагестана, издревле придававших большое значение созданию семьи – женитьбе сына или выдаче замуж дочери. Выбор невесты – «хъвехъ» или жениха – «чам» считался серьезным и ответственным делом. Им занималась не только семья, но и более широкий круг родственников «тухума» – патронимии. В брачных отношениях долгое время были сохранены пережитки глубокой древности, прежде всего, существовали требования, соблюдение которых считалось наиболее важным при заключении брака: равенство общественного положения фамилии жениха и невесты; авторитет «тухума» и репутация родителей; эндогамия или брак в пределах своего «тухума».

Семья складывалась на основе брака. Традиционные формы заключения брака как у лезгин-карчагцев, так и у общего массива лезгин и других народов Дагестана [1], были разнообразны (брак по сватовству (сговору) – наиболее распространенная форма; обменные браки; левират и сорорат; брак похищением – увод без согласия девушки; уход с обоюдного согласия; колыбельное обручение). Также необходимо подчеркнуть, что свадебная обрядность, оставаясь в основе своей общелезгинской, имеет в то же время свою достаточно четко выраженную специфику, отчасти обусловленную этническими особенностями и традициями.

Брачным возрастом для девушки считался возраст 14-16 лет, для юноши – 16-18 лет, а с 60-х годов XX в. юноши вступали в брак в основном после службы в армии, в возрасте 20-25 лет, а девушки – в возрасте 18-24 года. В XIX в. у лезгин-карчагцев сохранялся эндогамный брак, что было в значительной степени обусловлено факторами экономического порядка, т.е. тухум был заинтересован сохранить в своей

сфере даваемое за девушкой приданое, чтобы не дробить еще больше и без того небольшие земельные участки и поголовье скота. И, тем не менее, в рассматриваемое время, как показывает полевой материал, факты нарушения эндогамии отмечались уже довольно часто. Известны случаи, когда девушек выдавали замуж за пределы своего села, округа. Такие браки, как правило, заключались по сословным и политическим соображениям, по причине куначества и свойства. Выходить замуж вне своего тухума постепенно считалось обязательным, при этом семья жениха должна быть по «достоинству» не ниже семьи невесты. Как пишет М.Ш. Ризаханова: «Изначально межсельские браки у лезгин не одобрялись и были весьма редки. Такие браки вызвали самые разноречивые толки: считалось, что хорошая девушка не выйдет замуж за пределы своего селения. В сохранении внутрисельской эндогамии значительную роль играли межсельские усобицы, имевшие место в далеком прошлом» [2; 138].

Серьезным опасением со стороны родителей, близких родственников считались неудачные браки с иносельчанами, когда разведенные могли на всю жизнь остаться одинокими, ибо, как свидетельствовала практика, они за редким исключением больше не могли рассчитывать на создание собственной семейной жизни. Запрещено было в XIX в. у лезгин-карчагцев также заключение браков между представителями разных обществ, т.е. девушка из карчагского сельского общества не могла выходить замуж за представителя другого сельского общества. Девушку из более высокого сословия не выдавали замуж в другое (бедное) сословие. Иная картина сложилась уже в последующем XX в., поскольку брак стал основываться на взаимном согласии и любви молодого человека и девушки, при котором обязательно

учитывалось и мнение их родителей. Также постепенно прекратили выдавать девушек против их воли, что объяснялось недолговечностью их брачной жизни. Изменения произошли как под влиянием объективных факторов (социально-экономические и культурные преобразования), так и под влиянием субъективных причин (рост образования молодежи, изменения характера и содержания их труда, рост социальной активности молодых людей, изменение потребностей, интересов) и, наконец, под влиянием серьезной, целенаправленной, соответствовавшей духу времени воспитательной работы среди молодежи в XX веке.

Информаторы неоднократно упоминали об обычае похищения прикосновением. Этот обычай назывался «рушахъ галукъарна» – прикоснуться к девушке, и состоял в следующем: молодой человек караулит девушку, которая ему нравится, идущую за водой либо в дом родственника по семейным делам. Он останавливает ее и отнимает какую-то вещь – платок, браслет, кольцо и др., порой просто дотрагивается до нее. Это считалось позором для девушки и приравнивалось к похищению. Получив весть об оскорблении девушки, родственники преследовали оскорбителя. Они могли обстрелять дом, где прячется оскорбитель, или даже убить его. Сельское общество вмешивалось в это и старалось покончить дело миром. Если же родители или сама девушка наотрез отказывались войти в родство с оскорбителем, то она теряла в обществе репутацию честной девушки, и никто не решался на ней жениться, боясь насмешки оскорбителя. Подобные оскорбления решались миром и выдачей девушки замуж [3].

Редко, но встречались у лезгин-карчагцев такие формы заключения брака, как левират и сорорат. Обе формы брака имели, прежде всего, экономическую подоснову: семья в

случае такого брака была избавлена от утраты имущества вдовы или же повторного внесения калыма. Соответственно, в случае смерти брата на его вдове женился старший сын или младший брат или девушка выходила замуж за овдовевшего мужа своей сестры. Причинами подобного рода браков было нежелание осиротить детей умершего (умершей), стремление сохранить в тухуме трудолюбивую женщину и ее имущество, избавление семьи от лишних расходов на организацию новой свадьбы. Бытовали также и так называемые обменные браки «кьил-кьилихъ» – голова за голову, когда семья, взявшая в невестки девушку, в свою очередь, отдавала дочь замуж за ее брата. Как отмечали информаторы, к подобной форме брака прибегали как для закрепления уз родства между двумя семьями, так и в целях обоюдного отказа от выкупа за невесту [4].

В отношении обменных браков в адатах южно-дагестанских обществ написано: «При выдаче девушек в замужество взамен, по взаимному условию, если с одной стороны брак совершен, а с другой нет, и жених умрет, то девушка, ему назначенная, должна поступать в жены родному или двоюродному брату, или же их сыновьям, а если таковых родственников у умершего жениха не имеется, то дальше не могут требовать выдачи им назначенной в замужество девушки, и она остается у своих родных, но при этом то лицо из них, которое заключило условие, обязано удовлетворить кого следует за выданную девушку деньгами или вещами в размере 60 рублей» [5; 73].

Наиболее распространенной формой заключения брака у лезгин-карчагцев в исследуемое время, как отмечают информаторы, был брак посредством сговора. Согласно обычаям, вопрос о женитьбе сына и о замужестве дочери решали старшие члены семьи на семейном совете. Наметив девушку, семья юноши

либо его родственники собирали о ней все необходимые сведения. Большое значение имели физические качества невесты, ее здоровье, чтобы дать жизнь здоровому поколению, умение вести домашнее хозяйство и, прежде всего, ткать ковер, вязать чулки, вышивать, готовить обед, так как вся домашняя и большая часть полевых работ была в обязанностях женщины, а в нынешнее время учитывается образование и специальность. Учитывалось и общественное мнение об этой семье. У карчагцев есть пословицы: «Какая мать, такая и дочь; каков отец, таков и сын» – «Руш дидедал, хва бубадал фейиди жеда»; «Если понравилась девушка, узнай, какая у нее мать» – «Рушал ашукъ хьайила, яран диде гьихьтинди ятIа чира».

Одним из обязательных условий, предъявляемых к невесте, была ее нравственная чистота. Девушка, вызвавшая малейшее подозрение в отношении нравственности (разговаривала с посторонним мужчиной, тайком кого-то любила, где-то вела себя развязно и т.п.), «обретала дурную славу и редко могла иметь удачный брачный союз» [6; 140]. Жених также должен обладать многими нравственными качествами, в числе которых уважение к старшим, трудолюбие, способность содержать семью, отсутствие вредных привычек, наличие какой-либо специальности.

В рассматриваемое нами время в карчагских селениях сватовство, как и вся свадебная обрядность, имело свои особенности. Для успешного завершения сватовства сторона жениха заранее предпринимала меры предосторожности. Но сватовство проходило с наступлением сумерек. В данном случае сваты – «ульчияр» боялись не только посторонних лиц, но и «дурного глаза», поскольку сватовство могло бы иметь неблагоприятный исход. Сватами приглашались наиболее уважаемые пожилые люди. Старший

из сватов начинал разговор издали, говорил о достоинствах семьи этого тухума и самого жениха, затем подводил разговор к желанию получить разрешение на сватовство их девушки. В с. Зизик во время сговора родственники юноши отправляли в дом будущей невесты своих близких с кувшином теплого масла (приблизительно 3-4 кг) – «чтобы намеченное дело пошло как по маслу». В дом девушки по такому поводу обязательно приглашали старшего в ее тухуме (дедушку или его брата, братьев отца девушки). Собравшиеся всесторонне обсуждали будущих родственников и до их прихода принимали решение «за» или «против». Если родители девушки собирались дать согласие, сватов хорошо принимали, вводили в лучшую комнату, угощали изысканными блюдами, а потом подавали тарелку меда – «кьапунавай вирт» и хлеб – «фугь», что означало, сладость этих добрых людей принесет изобилие – «баракат» в новую семью. Если родители девушки не хотели дать положительного ответа, то сразу конкретного ответа не давали – «обсудим, поговорим с остальными родственниками тухума и сообщим». Касаясь согласия стороны девушки у лезгин, М.Ш. Ризаханова отмечает: «Если родители девушки были склонны принять предложение, они говорили: «Если на то будет воля Аллаха – выдадим», «если есть «кьисмат» (суждено) – выдадим» и т.д. Если предложение было нежелательным, приводили разные доводы, уклонялись от ответа: «Девушка еще слишком молода», «мы хотим выдать ее обменным браком», «она избалована, ленива, не справится с хозяйством в вашем доме, ибо у вас большая семья, и т.д.» [2; 147].

Предварительное согласие приводило к назначению дня официального сватовства – «бицIи лишан», т.е. огласка сговора. По представлениям лезгин-карчагцев, не все дни недели годились для начала

сватовства. Наиболее благоприятными считались вторник и четверг. В с. Экендиль в дом невесты сваты приходили не с пустыми руками, а со специальным сундуком, в котором находились примерно 2 кг риса, 2 кг пшеничной крупы, 10-20 хлебов с халвой – «иситІа», отрезки на платя – «парча», платки – «яй-лухар», серебряное кольцо – «гимишдин тупІал» и два барашка – «гьерер». По дороге в дом невесты участники процессии пели песни:

Перизада перез-перез,
Перизада перез-перез,
Чун къезава лугъуз-хъуьрез.
Мы идем к вам, говоря и смеясь.
Къавумарин къава гуьзгуь,
У сватов на потолке зеркало,
Це лагъай хъвехъ алагуьзлуь.
Невеста засватанная красивая.
Чун куь кІвализ къведай тушир,
Мы бы не пришли к вам,
Шуьше хътин хъвехъ авчиртІа.
Если невеста не была бы как стекло.
Перизада перез-перез,
Перизада перез-перез,
Чун къезава лугъуз-хъуьрез [7].
Мы идем к вам, говоря и смеясь.

Торжество завершалось взаимным дарообменом. В с. Карчаг на «биціи лишан» приносили около 40 хлебов с халвой – «иситІа», сливочное масло, медный сосуд с пшеничной крупой, отрезки, платки, деньги. С этого времени и до свадьбы жених не мог встречаться со своей невестой.

Во время сватовства стороны оговаривали условия бракосочетания, а также договаривались о размере «кебина гъахъ» – определенной платы за невесту. Здесь же в день сватовства оговаривали также и день свадьбы. «Кебин гъахъ», – писал А. В. Комаров, – большей частью не отдается невесте или ее родственникам, а только вносится в брачное условие и взыскивается с мужа, когда он дает развод жене или после его смерти» [8; 540]. С конца XIX в. размер кебина у лезгин-карчагцев составлял

15 руб., в советское время эта сумма возросла.

Важнейшим моментом после сватовства считается «никагъ» или «магъар» – оформление брака путем совершения религиозного обряда. У карчагцев существовало поверье, что при заключении брачного договора – «никагъ» можно навредить жениху, производя определенные действия магического характера – завязывая всякого рода узелки, вынимая и вкладывая кинжал в ножны, втыкая иголку в одежду жениха и др., поэтому процедура «магъара» производилась при возможно минимальном количестве свидетелей и где-нибудь в отдаленном помещении.

Обязательным условием заключения брака является выкуп за невесту – дорожные деньги – «рекьин пул». Следует отметить, что при выборе брачного партнера «карчагские лезгины в пределах селения не придерживались строгой эндогамии, т.е. браки могли заключаться между представителями разных тухумов. Редко учитывался и социальный статус вступающих в брак. Это скорее было связано с тем, что они в подавляющем большинстве были социально однородны. Не допускались браки с представителями иной конфессии. Калыма в его классической форме у карчагских лезгин не существовало, но за невесту давали определенную плату, известную под названием «рекьин-пул» – дорожные деньги. У лезгин Самурского округа эта плата (как и у всех мусульман) называлась «кебин гъахъ» и выражалась в закреплении за женщиной части имущества, а также кебинных денег» [9; 45-46]. Необходимо отметить, что основной социальной слой карчагцев составляли райяты (категория крестьян) «лежберар», стремившиеся часто нарушить эндогамный брак. Плата за девушку «рушан гъахъ» шла на создание материальной основы будущей семьи, т.е. на приданое девушки. В приданое

девушки «включали, прежде всего: ковры, паласы, постельные принадлежности, медную посуду, шерстяные носки, узорно-вытканые мешки для зерна и муки и веревки к ним. Состоятельные родители дарили дочери скот, пахотный или сенокосный участок» [10]. В советский период приданое невесты состояло из мебели и посуды, постельных принадлежностей и ковров.

Справедливости ради надо отметить, что в настоящее время сватовство обретает другой характер. По этому поводу Л.Н. Чижикова пишет: «Сватовство в наши дни потеряло свой главный смысл – получение согласия со стороны родителей. Основная цель сватовства сейчас – торжественное объявление родне принятого молодыми решения о вступлении в брак, а также знакомство родственников обеих сторон и обсуждение вопросов, связанных с организацией свадьбы и материальными расходами на нее» [11; 17].

Сватовство придавалось огласке на общественном источнике матерью или близкими родственниками жениха, которые приходили туда со сладостями. После сватовства между новыми родственниками – «къавумар» возникают особые отношения и соблюдаются некоторые запреты магического характера. В с. Карчаг засватанная девушка не должна была держать в руках веник («прутья веника горьки на вкус, такая же горечь может возникнуть в отношениях родственников жениха и невесты»). В с. Зизик засватанная девушка не должна была работать с ножницами. По поверью ножницы «режут», что приводит к ссоре [12]. Мать невесты готовила приданое. Сторона жениха покупала одежду для невесты, за покупками обычно ездили в Касумкент, Дербент, Баку.

Учитывая, что все карчагские девушки умели ткать ковер, обязательным считалось с невестой выдать в качестве приданного два

ковра – ворсовый и безворсовый, причем один из них должна была выткать сама будущая невеста. В с. Экендиль, по традиции, через день после сватовства родственницы невесты садились за станок, чтобы выткать новый ковер невесте в подарок к свадьбе. В ковре обязательно должен преобладать красный цвет – символ домашнего очага [13]. А.Г. Булатова отмечает: «У рутульцев в дом юноши его родственницы приносят по клубку шерстяных ниток, их складывают на один поднос и носят в дом невесты, чтобы она связала носки, которые после свадьбы раздавала новой родне» [14; 174].

Подготовка к свадьбе является ответственным делом. К свадьбе сына иногда готовились годами. Чтобы накопить средства на свадебные наряды невесте и угощение, «у лезгин все взрослые члены семьи (мужчины) иногда на целые годы уходили на отхожие промыслы, в основном на нефтяные промыслы Баку, которые поглощали большую рабочую силу. Свадьбу откладывали до тех пор, пока не приобретали свадебный наряд для невесты. В малоимущих семьях этот период мог длиться 2-3 года. В семьях средней обеспеченности свадьбу откладывали до года, в имущих – до 2-3 месяцев».

До свадьбы все родственники невесты собирались вместе на «мел» (обычай взаимопомощи), поскольку, надо сказать, что большинство предсвадебных обрядов носит общетухумный характер. В них широко применялась тухумная взаимопомощь, позволяющая сократить некоторые расходы. Здесь собравшиеся помогали родителям подготовиться к свадьбе (мололи пшеничную крупу, шили приданое невесты и т.д.). В приданое невесты входили: ковры, матрац, одеяло, подушки, вязаные шерстяные носки – «джурабки», узорчатые кисты и т.д. На «мел» приходили родственники, соседи (юноши и девушки). Вся работа по подготовке

к свадьбе велась в сопровождении песен. Песни были шуточные, с намеком. В шутку поющие называли имена возлюбленных. За неделю до свадьбы наносили последний визит к невесте – «чIехи лишан» – большое сватовство (у других лезгин – «гъалавар»). На этот раз родственники жениха с танцами и песнями в сопровождении музыкантов везли невесте оставшиеся подарки.

За день до свадьбы приглашались все родственники для распределения их обязанностей на свадьбе. Прибывающих из соседних селений гостей свадьбы распределяли по домам родственников жениха.

Кульминацией свадебных обрядов была свадьба («мехъер»). Свадьбу играли в конце осени или зимой, после летних и осенних полевых работ, после уборки урожая, перегона скота с летних пастбищ, заготовки впрок продуктов. Сторона жениха принимала определенное участие в подготовке свадебного угощения в доме невесты.

Основными музыкальными инструментами в указанное время на свадьбе были «зурне» – зурна, «далдам» – барабан, «чIагъан» – гармонь. Музыканты с музыкой шли к дому жениха, где по обычаю их встречали дядя по отцу и его жена, в руках которой был поднос – «хунча» с крашеными яйцами, халвой, вареной курицей, платками и несколькими парами носков. Приглашенные родственники приходили с подносами – «хунчаяр», в руках у них были длинные палки с привязанными к ним кусками материи или платками («тIаратIар»). На подносе были «бирганд» (зажаренный целиком баран), крашеные яйца, халва, сладости и многое другое. О своем прибытии гости сообщали выстрелом из ружья. На встречу гостям выходил родственник жениха, который приглашал их на свадьбу. Обязательными участниками свадьбы являлись ряженые – «скIер» – лисы. На свадьбе в ряженных ходили мужчины или

женщины из числа родственников жениха, которые обмазывали лица сажеей и надевали на голову тряпичные или войлочные маски, а сзади к одежде приделывали хвост. В руках у них были особые обожженные на костре узорчатые палки из древесины дикой айвы или боярышника – «скIрен лаш» – палка ряженого (лисы) с набалдашником, обвязанным красной или желтой лентой. К поясу у них приторочены мешочки с мукой, которые бросали в окружающих и танцующих на свадьбе» [15].

За невестой отправлялись на лошадях либо на телеге – «фургъун». С 30-40 гг. XX в. для свадебной процессии использовали грузовой автомобиль. Назначали двух вестников – «чархачияр», они должны были сообщить выстрелами из охотничьего ружья о своем приближении. По дороге женщины пели песни, а юноши периодически танцевали.

После того как невеста получила разрешение (благословление) от отца, подруги помогали ей надеть свадебный наряд, который шился из дорогих шелковых тканей ярких цветов и имел большое количество украшений. У лезгин-карчагцев, в том числе и у лезгин в целом, для защиты невесты от сглаза и злых духов ее лицо прикрывали красным платком – «дуъгуър». По мнению С.С. Агашириновой, красный цвет являлся символом домашнего очага и невинности девушки [6; 148]. Невесту из родительского дома выводил один из ее близких родственников – дедушка, отец, старший брат либо дядя по отцу. Впереди невесты несли зеркало и зажженную лампу, как обереги от злых духов и символы светлой жизни.

Для перевозки невесты использовали лошадь или арбу, а у зажиточных – фаэтон. Приданое перевозили в тот же день вместе с невестой на арбах, чтобы поскорее обставить комнату молодых. Невесту сопровождала ее наставница «енге». В качестве «енге» могла

быть пожилая родственница (многодетная и имеющая хорошую репутацию тетя невесты). Наиболее ответственной обязанностью «енге» считалось соблюдение всех необходимых церемоний и правил при проведении первой брачной ночи, которой у народов Дагестана придавалось особое значение как основе нормальных взаимоотношений в родственной среде и здорового микроклимата в молодой семье. Всю дорогу «енге» держала в руках зажженную лампу, которая должна была гореть до следующего дня в доме жениха. Зажженная лампа у лезгин-карчагцев означала, что жизнь у молодых будет светлой и счастливой. Если огонь по каким-либо обстоятельствам погас, то считали, что это к разладу в новой семье. «Очищение посредством огня, входившее в число свадебных обрядов, основано на первобытном мировоззрении, согласно которому огонь – могучее очистительное средство», – пишет Е.Г. Кагарова [16; 68].

Когда невеста в сопровождении свадебной процессии переступала порог дома жениха, ей на голову сыпали муку, что, по поверью, являлось «символом пожелания светлой, счастливой, богатой жизни» (с. Зизик, Нютюг), чтобы невеста приносила с собой «баракат» – изобилие в дом жениха (с. Карчаг, Экендиль). В советский период вместо муки стали сыпать зерна риса, сахар, конфеты, реже мелкие деньги – «абаси». Все это означало пожелание молодым зажиточной и плодотворной жизни. С 60-70-х гг. XX века под ноги невесте клали тарелку. Мать жениха у порога встречала невесту с блюдцем, наполненным медом, которым угощала ее. Затем, обмакнув руку в мед, оставляла отпечаток на верхнем косяке двери. Считалось, что мед обеспечивает любовь новобрачным и сладкую жизнь. Невесту провожали в отдельно подготовленную для молодых комнату, где ее усаживали в углу на маленький мешок муки (с.

Карчаг) или на сундук с приданным (с. Нютюг). До позднего вечера в этой комнате распевали песни и веселились. Сама невеста не должна была петь и разговаривать. Невесте давали подержать маленького мальчика, что символизировало пожелание родить первенца-мальчика.

Во время свадьбы выбирали «хана» и двух его помощников – «есаулов», они же являлись свидетелями жениха. По свидетельству С.Ш. Гаджиевой, тамаду свадьбы у некоторых народов называли «шахи», а их помощников – «визирами» или «советниками» [17; 216]. В с. Нютюг свидетелей жениха называли «гъилибанар». Но «хана» здесь не выбирали. Жених со своими свидетелями после свадьбы уходил в дом дяди по отцу – «чамран кИвал». «Хан» и его «есаулы» в сс. Зизик и Карчаг поддерживали порядок на свадьбе и в доме, где поселился жених. Они выполняли функции обеспечения едой, напитками, определяли очередность тостов и поздравлений в адрес жениха.

В этот же день родители жениха шли к дому, где остановился жених. Мать жениха несла с собой поднос – «сини», на котором находились «бирганд», вареные куры, яйца и сладости. Придя в дом, где находился жених со своими друзьями, они поздравляли своего сына, оставляли поднос с угощениями и уходили. «Хан» отправлял «есаулов» ко всем родственникам жениха с требованием прийти и поздравить жениха со свадьбой. Женщины в с. Карчаг приходили обычно целой вереницей, неся на голове подносы – «синияр», полные яств и подарков для него. Мужчины клали перед женихом деньги, независимо от того, что принесли их жены. «Хан», в свою очередь, мог потребовать, чтобы какой-нибудь родственник выплатил большую сумму денег, чем остальные. Каждый, кто входил в комнату, спрашивал разрешения у «хана» – «хан вун сагърай, чамраз мубаракдай ихтияр авани?». Затем,

после разрешения «хана», гость подходил к жениху, поздравлял и одаривал деньгами.

Ночью, после завершения очередного этапа свадебной процессии, жениха из дома дяди свидетели отводили к невесте, а сами стояли у дверей и ждали, пока жених вынесет им подарки. Жених, заходя в комнату, ставил правую ногу и здоровался – «салам аллеюкум», а затем левую и сам же отвечал – «аллеюкум салам», после чего жених спрашивал у невесты: «Эти стены являются нашими свидетелями. Скажи, ты давала обещание быть моей женой?». Если невеста не отвечала, то жених мог ее побить (с. Зизик, Нютюг). «Я пришел к тебе сообщить, что я твой муж. Ты давала обещание быть моей женой?». Невеста встает и отвечает – «Да!» (с. Карчаг, Экендиль). Свидетели, вернувшись к остальным друзьям жениха, пели песню:

Чамран гъиле гъвечи лаш,
Жених сжимает прут в руке,
Зрзас къвазна хъвехъ пипле.
Дрожит невеста в уголке.
Килиг чам, паб катамир,
Смотри, жених, не бей жену,
Чир хъухъ, катайди хъсан я.
Но знай, битая милей.

Чуть позже друзья жениха поднимались на крышу дома, где находились молодые, и через дымоход – «тав» в крыше на веревке опускали мешок с камнем. Жених и невеста должны были заполнить мешок угощениями, в противном случае друзья жениха через этот дымоход выливали воду [18].

Проведя брачную ночь, жених на рассвете отправлялся в дом дяди, где с близкими родственниками устраивал отдельное угощение и веселье.

На следующий день близкие родственники жениха с подносами шли по селу, раздавая всем сельчанам подарки – «мехъерин паяр». Сельчане и родственники жениха и сами приходили к невесте, чтобы

поздравить ее с новым домом. Невеста, в свою очередь, одаривала их подарками. Этот обряд у лезгин-карчагцев называется «хъвехъ му-барак авун». Через неделю родственники жениха с невестой шли на общественный родник – «цIийи хъвехъ акъудун». С собой они брали угощения и сладости, чтобы раздать всем, кто приходил за водой. Кувшин заполняла одна из женщин, за что получала подарок от невесты. Всем присутствующим родственники раздавали сладости. Учитывая, что этот обычай постепенно уходит в прошлое, в настоящее время в день свадьбы у лезгин-карчагцев свадебный кортеж останавливается у родника – «къванцин булах» вблизи с. Карчаг. Там играет музыка, девушки поют и танцуют, мужчины принимают угощение, и через некоторое время свадебная процессия продолжает путь.

Через 3-4 месяца в дом молодоженов приходили родители невесты с подарками, чтобы поздравить с новым домом. После этого они приглашали молодых к себе в гости. В течение первого года после свадьбы невеста должна при встрече родственников мужа прикрывать лицо краем платка, также не заговаривать с ними первой.

Необходимо отметить, что на современном этапе научно-технический прогресс внес много нового в сферу семейно-брачных отношений, в частности, в процедуру заключения брака и саму свадьбу, являющихся важнейшими семейными праздниками народов Дагестана и Кавказа. В основном молодые люди вступают в брак по любви и взаимному согласию с учетом мнения их родителей. Брачный выкуп исчез далеко не сразу. Он приобрел форму подарков и денег для семьи невесты. У некоторой части карчагцев все еще бытуют такие «вредные» обычаи, как выдача замуж несовершеннолетней, отрыв девушек от учебы и т.д. Они тоже постепенно утрачивают свою силу

и рассматриваются как пережитки прошлого [19].

Таким образом, приведенный нами материал по описанию свадьбы и свадебных обрядов у лезгин-карчагцев неразрывно связан с различными сторонами социальной жизни, национальной культуры и обычаев, а также содержит непреходящие эстетические и эмоциональные ценности – народные песни, народную музыку, танцы, маскарадные представления, шутки. Создавая новую свадебную обрядность,

размышляя над ее развитием, мы сегодня учитываем, прежде всего, эмоционально-эстетический аспект воздействия на молодежь, а также ее воспитательное значение. Обрядовая сторона основных этапов брачного цикла карчагских лезгин находит порой прямые аналогии у народов лезгинской языковой группы. В то же время имеется множество элементов и деталей, отличающих свадьбу карчагских лезгин от свадебного ритуала остальных лезгин и других народов Дагестана и Кавказа.

Примечания:

1. Гаджиева С.Ш. Брак и свадебная обрядность кумыков в XIX – начале XX в. // Ученые записки Института истории языка и литературы. Махачкала, 1959. Т. IV; Алиев А. Брак и свадебные обряды даргинцев // Советская этнография. 1953. № 4; Агаширинова С.С. Свадебные обряды лезгин XIX – начала XX в. // Ученые записки ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. XII. С. 136.
2. Ризаханова М.Ш. Лезгины XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005.
3. Полевой материал: инф. Ш. Таджибов, 1931 г.р., с. Нютюг.
4. Полевой материал: инф. С. Селимов, 1927 г.р., с. Карчаг.
5. Адагы Южно-дагестанских обществ // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. 7.
6. Агаширинова С.С. Указ. соч.
7. Полевой материал: инф. Ш. Кадималиева, 1936 г.р., с. Карчаг.
8. Комаров А.В. Адагы и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1899.
9. Алимова Б.М. Брак и свадебные обряды в прошлом и настоящем. Равнинный Дагестан. Махачкала, 1989.
10. Полевой материал: инф. З. Калабекова, 1923 г.р., с. Карчаг.
11. Чижикова Л.Н. Этнические традиции в современной свадебной обрядности сельского населения этноконтактной зоны (на примере Белгородской области) // Советская этнография. 1980. № 2. С. 17.
12. Полевой материал: инф. Ш. Кадималиева, 1936 г.р., с. Карчаг.
13. Полевой материал: инф. Д. Пулатова, 1941 г.р., с. Экендиль.
14. Булатова А.Г. Рутульцы в XIX – XX вв. Историко-этнографическое исследование. М., 2003. С. 174.
15. Полевой материал: инф. У. Меликова, 1921 г.р., с. Карчаг; С. Мейланова, 1941 г.р., с. Нютюг; Д. Гаджибалаев, 1931 г.р., с. Зизик.
16. Кагарова Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник материалов по археологии и этнографии. М., 1929. Т. VIII.
17. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана XIX – нач. XX вв. М., 1985.
18. Полевой материал: инф. Д. Пулатова, 1941 г.р., с. Экендиль.
19. Полевой материал: инф. П. Мазанова, 1929 г.р., с. Зизик.

References:

1. Gadzhieva S.Sh. Marriage and wedding rituals of the Kumyks in the 19th – beginning of the 20th century // Scientific notes of the Institute of the History of Language and Literature. ,ethnography, 1953, No. 4; Agashirina S.S. Wedding

ceremonies of the Lezgins of the 19th – early 20th century // Scientific notes, IYYaL. Makhachkala, 1964. Vol. XII. P. 136.

2. Rizakhanova M.Sh. Lezgins of the 19th – the beginning of the 20th century. Historical and ethnographic research. Makhachkala, 2005.

3. Field material: the informant is Sh. Tadzhibov, born in 1931, the village of Nyutyug.

4. Field material: the informant is S. Selimov, born in 1927, the village of Karchag.

5. See: Adats of the South-Dagestan societies // Collection of information about the Caucasian highlanders. Tiflis, 1873. Iss. 7.

6. Agashirinova S.S. Wedding ceremonies of the Lezgins of the 19th – early 20th century // Scientific notes, IYYaL. Makhachkala, 1964. Vol. XII.

7. Field material: the informant is Sh. Kadimalieva, born in 1936, the village of Karchag.

8. Komarov A.V. Adats and legal proceedings on them // Collection of information about the Caucasian highlanders. Tiflis, 1899.

9. Alimova B.M. Marriage and wedding ceremonies in the past and present. Lowland Dagestan. Makhachkala, 1989.

10. Field material: the informant is Z. Kalabekova, born in 1923, the village of Karchag.

11. Chizhikova L.N. Ethnic traditions in the modern wedding rituals of the rural population of the ethno-contact zone (based on Belgorod region) // Soviet ethnography. 1980. No. 2. P. 17

12. Field material: the informant is Sh. Kadimalieva, born in 1936, the village of Karchag.

13. Field material: the informant is D. Pulatova, born in 1941, the village of Ekendil.

14. Bulatova A.G. Rutulians in the 19th – 20th centuries. Historical and ethnographic research. M., 2003. P. 174.

15. Field material: the informant is U. Melikov, born in 1921, with. Karchag; S. Meilanova, born in 1941, the village of Nutyug; D. Hadzhibalaev, born in 1931, the village of Zizik.

16. Kagarova E.G. Composition and the origin of wedding rituals // Coll. of proceedings on archeology and ethnography. M., 1929. Vol. VIII.

17. Gadzhieva S.Sh. Family and marriage of the peoples of Dagestan in the 19th – beg. of the 20th centuries. M., 1985.

18. Field material: the informant is D. Pulatova, born in 1941, the village of Ekendil.

19. Field material: the informant is P. Mazanova, born in 1929, the village of Zizik.